

Он продолжил читать дальше, и чем дальше он читал, тем тяжелее у него на душе скребли кошки. Письмо Гу Цзяцзя сильно отличалось от предыдущих: в нём не было ни слова о любви, оно было выдержано в дружеском тоне, однако между строк явственно чувствовалось, насколько близко и по-особенному тепло он общался с Цзян Линем.

Мало того, в самом конце тот припас тяжёлую артиллерию: он написал для Цзян Линя песню и пообещал лично исполнить её при удобном случае.

Цзин Хао так разозлился, что стащил с дивана декоративную подушку и отлупил её, представляя, что это Гу Цзяцзя. Ишь ты, какой талантливый нашёлся! Подумаешь, только он один умеет писать письма, или только он один способен сочинять песни?

Охваченный раздражением, он отбросил подушку в сторону, отправился в комнату и откопал скрипку, которая пылилась без дела уже целых два года. Похоже, настало время вспомнить старое мастерство.

Цзин Хао твёрдо решил ни в чём не уступать Гу Цзяцзя. Он раздобыл ярко-красную цветную бумагу и тоже принялся писать письмо.

Но что именно написать?

Как человеку, который вечно получал низкие оценки за школьные сочинения, ему написать песню?

Цзин Хао зашёл в тупик, как вдруг его взгляд упал на огромный плакат с изображением Чжоу Цзелуня на стене. Сам он не умел, зато братец-то умел!

Опираясь на многолетний опыт прослушивания песен, он решил просто переписать текст песни «Сладость».

Он чувствовал, что ещё никогда в жизни не был столь сосредоточен. После завершения работы результат действительно выглядел очень красиво, и ему не терпелось узнать, как отреагирует Цзян Линь, когда увидит это.

Не осмелившись подписаться, он сложил листок с письмом, смешал его с остальными и отправился встречать Цзян Линя.

Добравшись до назначенного с этим выскочкой времени, Сун Чэнь за час до встречи привёл себя в порядок. Убедившись, что его аура ни капли не уступает сопернической, он даже угнал из дома машину и тайком от Ло Циня прибыл на место.

Поскольку они были незнакомы, Сун Чэнь для начала просто осмотрелся. За первым столиком сидела парочка влюблённых, за вторым — две молодые девчонки, хихикающие и о чём-то

болтающие.

Мужчина за третьим столиком выглядел ровесником Сун Чэня. На нём был спортивный костюм свободного кроя, рукава чуть закачаны, обнажая белые запястья, а напротив стояла уже заказанная чашка чёрного чая, от которой поднимался парок.

Даже с опущенной головой он не мог скрыть природной привлекательности и мужественности в чертах лица.

На самом деле за четвёртым столиком тоже сидел мужчина, но внешность у него была самая заурядная, и Сун Чэнь подсознательно решил, что тот, кто имеет отношение к Ло Синю, должен находиться за другим, поэтому напрямик направился к третьему столику и устроился напротив незнакомца.

Мужчина слегка удивился:

— Здесь уже занято.

Сун Чэнь не стал ходить вокруг да около:

— Ждёшь Ло Циня?

Уй Байянь широко раскрыл глаза:

— Ты...

Сун Чэнь усмехнулся:

— Я — его спонсор!

Он вернулся.

Спонсор?

Да как Ло Цинь мог!

Уй Байянь покачал головой, явно отказываясь верить его словам:

— Пожалуйста, выбирайте выражения, уважаемый. Пока он сам этого не подтвердит, я не поверю ни единому слуху, порочащему Сяо Циня.

— А толку с того, что ты не веришь? — легкомысленно улыбнулся Сун Чэнь. — Ты ведь договаривался о встрече с Ло Цинем, но пришёл-то я. Не задумывался, почему так?

— Думаю, ты человек неглупый, стоит чуть-чуть пораскинуть мозгами — и всё поймёшь.

Уй Байянь потерял последние крохи симпатии к сидящему перед ним человеку:

— Но Сяо Цинь говорил, что он одинок!

— Я не признаю его существования, вот ему и приходится называть себя одиноким.

Сун Чэнь жутко бесило, что кто-то посягает на его имущество. Черт возьми, даже если Ло Цинь всего лишь замена, он должен принадлежать ему целиком и полностью и быть чистеньким, а крутить шашни с каким-то посторонним мужиком — это прямое посягательство на его личные границы.

Сун Чэнь сплёл пальцы в замок и с усмешкой посмотрел на него:

— Глупо с твоей стороны так преданно вздыхать по Ло Синю. А знаешь ли ты, что он каждую ночь усаждает меня в постели, и при этом даже имени твоего не упоминал? Не находишь это забавным?

Уй Байянь уже дрожал от гнева. Этот тип с самого появления нёс всякую чушь про Ло Циня, а теперь ещё и свысока поливал грязью его Сяо Циня.

— Ни капли не забавно, — с холодным лицом произнёс Уй Байянь. — Совсем не забавно! С чего мне вообще верить, что ты не явился сюда нарочно, чтобы оклеветать Сяо Циня?

— Хочешь доказательств?

Сун Чэнь закатил глаза и развернул к нему экран телефона с фотографией:

— Тогда смотри внимательно, узнаёшь Ло Циня?

Снимок был сделан полгода назад. В тот день Ло Цинь упрямо вздумал испечь для него торт. На нём был надет розоватый фартук, а полуобернутый профиль, занятый хлопотами на кухне, невольно заставил Сун Чэнь вспомнить Сяо Яня. Поддавшись какому-то странному порыву, он тогда сделал фото, но забыл отключить вспышку. Ло Цинь как раз обернулся, а кончик его носа был перепачкан белоснежной мукой... Сердце Уй Байяня пропустило жестокий удар!

Когда-то у него с Ло Цинем были такие же непринуждённые и близкие отношения, но теперь...

— Теперь поверил? — в глазах Сун Чэня мелькнул непонятный свет. — Или, может, хочешь взглянуть на кое-что более откровенное?

Уй Байянь сжал кулаки. Из-за вмешательства младшей сестры им с Ло Цинем так и не суждено

было переступить черту, но он и подумать не мог, что Ло Цинь станет...

Он вспомнил слова, которые говорила Уй Байянь...

И всё же он продолжал верить: если бы дело было не в любви, Ло Цинь ни за что не стал бы заниматься подобным. Но глядя на мужчину перед собой, он никак не мог связать его с тем, кого любил Ло Цинь.

— Ты любишь Сяо Цина?

— Конечно, — улыбнулся Сун Чэнь. — Кто же станет возражать против послушной маленькой экономки?

Видя, как лицо Юй Байяня постепенно сereет от злости, Сун Чэнь ощутил сладкое превосходство победителя.

Но ему этого казалось мало: пока он не найдет новую, еще более послушную замену, он непременно, непременно должен накрепко привязать Ло Цина к себе.

Изобразив удивление, он спросил Юй Байяня:

— Что, неужели вы даже не спали с ним?

Глаза Юй Байяня уже покраснели, казалось, еще секунда — и он сорвется с кулаками. Но чем сильнее злился Юй Байянь, тем веселее становилось Сун Чэню. Глаза не лгут: Ло Цин свою первую ночь отдал именно ему.

Он ликовал внутри, но не хотел показывать этого Юй Байяню, поэтому небрежно бросил:

— Впрочем, это всего лишь потрепанная туфля, которая мне уже надоела. Тебе самому не противно подбирать объедки?

Подобные слова звучали невероятно вызывающе, бросая прямой вызов мужскому достоинству. И действительно, Юй Байянь не стерпел и с размаху врезал ему кулаком.

— Не смей так говорить о нем!

Все вокруг тут же покосились в их сторону, жадно пытаясь разглядеть очередную сплетню.

Сун Чэнь отер кровь с уголка губ, ухватил Юй Байяня за воротник и притянул к самому уху:

— Я говорю о нем? Это потому, что ты никогда не видел его таким.

В постели Сун Чэнь всегда был нежен и редко терял контроль, но сейчас он просто пытался обмануть этого подозрительного соперника, положившего глаз на Ло Цина. Он нёс всю эту чушь лишь с одной целью — растоптать в чужом сердце все прекрасные образы Ло Цина, чтобы тот больше и не думал тягаться с ним.

По идее, он не должен был любить Ло Цина, но и выносить его манеру привлекать к себе взгляды он тоже не мог. В конце концов, в нем говорило лишь проклятое чувство собственности; он уверял себя, что на самом деле его интересует лишь это лицо, так похожее на лицо Сяо Яня.

— Пока он мне окончательно не надоест, наши отношения не закончатся, — заявил Сун Чэнь.
— Так что перестань к нему соваться.

Взгляд Юй Байяня мгновенно стал устрашающим — будь у него физическое воплощение, оно бы живо срезало с Сун Чэня пару кусков мяса.

Но Сун Чэнь не испугался. Бросив напоследок фразу о том, что Ло Цин все еще ждет его, он гордо удалился. Он легко мог представить перекошенное от гнева лицо Юй Байяня, похожее на свиную печень: надо же, возомнил о себе невесть что, посмел тягаться с ним, отцом!

А теперь пришло время заняться маленькой экономкой.

— Сун Чэнь, ты меня звал? Ло Цин тяжело дышал. Стоило ему получить звонок от Сун Чэня, как он тут же выскользнул из аудитории и бегом бросился сюда.

Сун Чэнь почти никогда не пересекался с ним в стенах университета, но на этот раз вдруг назначил встречу в танцевальном классе.

Из-за бега лицо Ло Цина покрылось испариной, щеки слегка порозовели, а нежные, влажные губы приоткрылись, напоминая спелый персик.

Сладкий и манящий.

Вернувшись после встречи с тем диким мужиком, он кипел от злости и хотел хорошенько проучить Ло Цина. И пусть в глубине души он понимал, что этот маленький прислужник, возможно, вообще ни о чем не догадывался, смириться с этим он не мог. Ло Цин принадлежал ему, только ему!

— Мм, — невпопад отозвался Сун Чэнь, тут же шагнул вперед, обхватил Ло Цина за талию и прижал к себе.

Ло Цин никогда прежде не видел его таким и инстинктивно подумал, что что-то случилось. Он уперся руками ему в грудь, пытаясь оттолкнуть:

— Сун Чэнь... что с тобой... отпусти меня сначала...

— Не отпущу!

Сун Чэнь был крайне недоволен этим слабым сопротивлением. Перехватив его трепыхающиеся запястья, он посмотрел на него леденящим, пугающим взглядом:

— Тебе не нравится, когда я тебя обнимаю?

— Нет... — Ло Цин заерзал, пытаясь вырваться. — Сюда кто-нибудь может прийти...

— Чего ты боишься? — Сун Чэнь подхватил его под колени, поднял на руки и, пнув дверь танцевального класса, шагнул внутрь.

Этот танцевальный класс выходил на теневую сторону и располагался позади учебного корпуса, солнца здесь почти не бывало, и обычно всегда приходилось включать свет. Помещение уже забросили, и куратор отдал ключ Сун Чэню, чтобы тот хранил здесь реквизит для факультетских мероприятий.

Он легко помял мочку уха Ло Цина:

— Так боишься, что кто-то увидит? Мм?

— Нет... Сун Чэнь, — Сун Чэнь походил на готового сорваться в любой момент разъяренного зверя, и этот взгляд с тоном голоса пугали Ло Цина. Он отвернулся, уклоняясь: — Давай поговорим нормально...

— Говорить черта с два! — Сун Чэнь грубо перехватил его руки и вжал ладони в стену. — Ло Цин, ты у нас хвост распустил, да?

Ло Цин испуганно затрепетал:

— Сун Чэнь, что с тобой в конце концов?

— Ничего, — Сун Чэнь сжал его подбородок и в качестве наказания прикусил губу. — Задрать тебя хочу.

Совсем с ума сошел.

Сила у Сун Чэня была просто нечеловеческой. Он властно разжал ему зубы, вплетаясь языком в его поцелуй:

— Ло Цин, запомни: ты мой!

...

Зеркало в танцевальном классе было огромным, и Сун Чэнь больше не звал его Сяо Янем, а снова и снова повторял имя Ло Цина. Окончив дела, Сун Чэнь, в отличие от обычного, не стал приводить его в порядок и одевать, а лишь кое-как набросил на него какую-то одежду, которая даже не скрывала следов на теле. У Ло Цина не осталось сил, и Сун Чэнь так и прижал его к себе в таком виде.

Его голова была тяжелой и затуманенной, а мысли целиком и полностью заполнены Ло Цинем.

Прежде он каждый раз изо всех сил старался представить на месте Ло Цина Сяо Яня, но на сей раз он отчетливо осознавал — он знал, что это Ло Цин.

Знал, что человек, которого он желал вплавить в собственные кости и растворить в крови, — это Ло Цин.

Почему же всего лишь какой-то мнимый бывший любовник, чью личность даже толком не удалось подтвердить, заставил его дойти до такой потери самообладания? Сун Чэнь гладил Ло Цина по щекам. Изначально всё это затевалось лишь ради того, чтобы унять тоску по Сяо Яню, но теперь казалось, что что-то неумолимо изменилось.

Ло Цин был просто круглым дураком: он в упор не замечал истинного отношения к себе, всем сердцем и душой стремясь делать добро. Даже этот придурок-кузен заметил очевидное. Сун Чэня раздражало, когда Ло Цин лез в его жизнь, возмнив себя настоящим парнем. Ему вечно казалось, что всё это осточертело, что хочется найти кого-то более понятливого, а этого глупца вышвырнуть вон — ведь тот, кто служит заменой, должен знать свое место. В следующий раз непременно нужно будет сказать всё напрямую.

Но что будет после того, как они расстанутся? Что станет потом?

Не сойдется ли Ло Цин с тем мужчиной, что был здесь только что? Неужели на такое его нынешнее зрелище придется смотреть и другим мужчинам? Сун Чэнь раздраженно всковырнул пальцами волосы: неужели... он перешел черту?

Он открыл скрытый альбом на телефоне и вывел на экран фотографию Сяо Яня. Взгляд изображенного на ней человека был холоден и отстранен, а уголки губ, казалось, никогда не поднимались в улыбке, но при этом он безумно притягивал Сун Чэня. Тот невольно начал сравнивать: а этот маленький домашний помощник...

Им не сравниваться. Им никогда, ни за что не сравниваться.

Это было все равно что наесться редких деликатесов и вдруг захотеть отведать острой лапши, или привыкнуть спать на мягкой просторной постели и неожиданно пожелать испытать

жесткие бамбуковые доски. Ло Цин — всего лишь дешевая, ничтожная вещица, которой никогда не превзойти Сяо Яня. А те чувства, что он испытывал, должно быть, происходили лишь от присущего ему собственнического инстинкта.

Даже если это старая, не особо любимая игрушка, все равно будет неприятно, если кто-то другой попытается отнять ее.

Из-за крайнего упадка сил Ло Цин всё еще продолжал полулежать в объятиях Сун Чэня.

Сун Чэнь только собрался помочь ему одеться, как зазвонил телефон. Номер был незнакомым.

— Алло?

На том конце провода никто не ответил.

— Здесь есть кто-нибудь?

В ответ — по-прежнему молчание.

Наверное, ошиблись номером. Сун Чэнь уже собирался сбросить вызов, как вдруг услышал голос, о котором тосковал и днем и ночью:

— Сун Чэнь, это я.

В одно мгновение весь мир рухнул.—... — Сун Чэнь дрожал, не зная, что и сказать, и его лицо буквально излучало крайнее волнение.

— Алло-алло, ты слушаешь? — донеслось из трубки. — Это я, Сяо Янь, я вернулся!

— Я специально решил сделать тебе сюрприз, скучал по мне?

Не то чтобы скучал — он просто с ума сходил!

Голос Сяо Яня стал гораздо веселее: — Я уже вышел из аэропорта, давай вечером встретимся, поужинаем вместе?

— ...Хорошо.

Даже когда Сяо Янь повесил трубку, Сун Чэнь еще долго не мог прийти в себя. Он наконец-то вернулся, его Сяо Янь, его... Сяо Янь.

При мысли о том, что скоро он встретится с Сяо Янем, а сам только что вытворял такое с его заменой, Сун Чэнь почувствовал себя каким-то грязным, и от этого даже Ло Цин казался ему мерзким.

С брезгливым выражением лица он швырнул одежду в Ло Цина: — Ло Цин, у меня срочные дела, я ухожу. Быстро одевайся и нечего тут светить своим видом!

— Так занят? — Ло Цин приподнялся на локте. — Ты не мог бы отвезти меня домой?

И добавил: — У меня болит поясница.

У Ло Цина покраснели глаза. В конце концов, это Сун Чэнь издевался над ним до полусмерти, и попросить его побыть рядом — разве это слишком требовать?

— Я же сказал, что занят, до тебя доходит вообще? — Сун Чэнь сейчас испытывал к нему искреннее отвращение. — Всего-то два раза, чего ты притворяешься, будто у тебя поясница болит и ноги отнимаются?

Какая же ты, блядь, недотрога!

Долго и мучительно колеблясь — писем в рюкзаке накопилось уже столько, что они скоро стали бы размножаться почкованием, — Цзин Хао наконец набрался решимости, вытащил их и швырнул на парту Цзян Линя: — Это всё тебе!

Цзян Линь: — ???

Озадаченный Цзян Линь принял пачку, бегло просмотрел её и засунул в парту.

— Ты не читаешь?

— Мгм, — ответил Цзян Линь. — Потом, когда будет время.

Потом? Ты же просто не хочешь, чтобы я видел, как ты радуешься! — буйно фантазировал Цзин Хао, в мыслях уже дорисовывая улыбку на губах Цзян Линя, тем более что среди писем были послания от Гу Цзяцзя и... его собственное.

— Ты правда не будешь смотреть? — не унимался Цзин Хао. — Тебе совсем не любопытно?

Цзян Линь: — Не буду, не любопытно.

Той, что волнует его больше всего, там наверняка нет, а какой смысл в чужих?

Цзин Хао: — ...

— Цзин Хао...

Цзян Линь вдруг окликнул его, и в его голосе прозвучали игривые нотки, от которых у Цзин Хао перехватило дыхание: — Ч-ч-что, что такое? Цзян Линь наклонился и подался вперёд, так что между ними оставалось всего несколько сантиметров — так близко, что они слышали дыхание друг друга, а красивое лицо перед глазами казалось увеличенным, позволяя разглядеть даже тончайший пушок на коже.

Зачем он вдруг придвинулся так близко? Цзин Хао был готов умереть от напряжения: Цзян Линь ведь всё ещё любит меня, да? Неужели он вот так возьмёт и поцелует меня? Черт, я же совсем не готов, почему всё развивается так быстро! К тому же мы в классе, неужели он такой смелый...

В глазах Цзян Линя мерцал непонятный свет, и он подался ещё ближе — стоило кому-то из них чуть качнуться, как они бы тут же соприкоснулись.

Лицо Цзин Хао покраснело до предела, он прятал глаза и не смел смотреть на Цзян Линя. Вспомнив тот головокружительный поцелуй в ту ночь, он уже был готов зажмуриться и принять неизбежное.

Началось, ещё ближе!

Я вовсе не хочу его ценить, просто раз он так долго меня любил, мне положена хоть какая-то компенсация! Цзин Хао за доли секунды придумал себе бесчисленное множество оправданий. Стрела была натянута на тетиву, оставалось только ждать Цзян Линя!

Он слегка подался вперёд и даже чуть вытянул губы, но вместо ожидаемой мягкости...

Эм? Что-то тут не так!

Разве в идольных дорамах всё происходит не так?

Цзин Хао поднял глаза и встретился с таким взглядом Цзян Линя, будто перед ним умственно отсталый. Тот уже сидел ровно на своем месте и покачивал в руке бумажный комочек:

— У тебя в волосах что-то застряло.

Черт! Какая же, мать твою, позорище!

Цзин Хао мысленно перебрал свои nepотpeбные фантазии и был готов провалиться сквозь землю. Неужели у него мания преследования? Такое простое движение он умудрился мысленно извратить донельзя, просто безумие какое-то!

Чем больше Цзин Хао думал об этом, тем сильнее стыдился. Он опустил руки на парсту и уткнулся в них лицом.

Он не видел легкой улыбки, тронувшей уголки губ Цзян Линя.

Вечером, после того как Цзин Хао проводил его домой, Цзян Линь вернулся в свою комнату и вытащил стопку писем.

Он изначально не планировал заводить романтические отношения в старшей школе, а та единственная, из-за которой он мог бы сделать исключение, уже недвусмысленно дала понять, что у него нет надежды. Он уже собирался постепенно отпустить всё и забыть, но события

последних дней и отношение Цзин Хао заставляли его сомневаться в этом.

Сегодняшняя проверка и вовсе заставила его заподозрить, что с Цзин Хао что-то не так.

Что-то внутри него начинало медленно возрождаться. В голове мелькнула пугающая мысль: ведь взгляд, которым Цзин Хао смотрел на него все эти дни, точь-в-точь повторял то, как он сам смотрел на него раньше!

Неужели он... любит меня?

Разве такое возможно?

Цзин Хао совершенно ясно говорил, что не любит его, и не раз. Но если не любит, то зачем так ухаживать за ним?

Как говорится, если не вор, то шпион.

Однако Цзян Линь не считал, что в нём есть что-то, заслуживающее подобных ухаживаний со стороны Цзин Хао. Учеба? При материальном положении Цзин Хао, стоило тому захотеть, у него мог появиться репетитор любого уровня.

В остальном...

Цзян Линь с горькой усмешкой подумал: какое там остальное.

Среди вороха конвертов пастельных тонов ярко-красный выделялся с явным превосходством. Цзян Линь первым делом открыл его и, едва взглянув, уже не смог сохранять спокойствие.

Чтобы помогать Цзин Хао с домашкой, он специально тренировался подделывать его почерк и изучил его вдоль и поперек. Рука, написавшая этот безымянный текст песни, угадывалась без всяких сомнений.

Цзин Хао?

Цзян Линь перечитывал эти слова снова и снова: неужели Цзин Хао случайно засунул его сюда, или... он написал это для него?

Смелое предположение приятно взволновало Цзян Линя, его пальцы невольно сжались. Что, если... проверить его ещё раз?

Ночь прошла спокойно.

На следующий день погода выдалась скверная: небо затянули тяжелые свинцовые тучи. Цзян Линь даже не успел ничего проверить, как стряслась беда.

Школа заказала партию материалов для повторения материала, по двести юаней с человека, которые нужно было сдать старосте. Изначально Цзян Линя это никак не касалось, но когда пришло время передавать деньги учителю, ровно тысячи юаней не досчитались.

Староста Тао Аньюй перерыла каждый уголок своей парты, но денег нигде не было.

Она так распереживалась, что горько заплакала, отчаянно обвиняя себя в том, что она ничтожна и не смогла уберечь деньги, что недостойна быть старостой. Учитель Гуан растерялся из-за ее слез и истерики, поэтому лишь утешал, прося перестать плакать и хорошенько подумать, не затерялись ли деньги где-нибудь еще.

Несколько сидевших рядом одноклассников тоже подхватили:

— Да-да, староста, вспомни повнимательнее, не передавала ли ты их кому-нибудь?

Эти слова словно подсказали Тао Аньюй догадку, и она перестала плакать:

— Перед уроком я отлучилась в туалет и попросила Цзян Линя положить деньги обратно на мое место!

Цзян Линь в мгновение ока оказался в эпицентре всеобщего внимания. Вся палата устремила на него взгляды, в которых читались проверка и подозрение.

Тао Аньюй добавила:

— Перед тем как отдать ему, я их пересчитывала, и могу поручиться, что до единой купюры!

<http://bllate.org/book/20916/2115510>